

DOI: 10.31648/pw.6476

ALEKSANDER KIKLEWICZ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

HELENA POŚCIECHINA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6015-2055>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ЯЗЫКОВАЯ КРЕАТИВНОСТЬ ПРОТЕСТНЫХ ДИСКУРСОВ В БЕЛОРУССИИ ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2020 ГОДА¹

Language creativity of the protest discourses in Belarus after the 2020 presidential election

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая игра, политическая лингвистика, протестный дискурс, акратический дискурс, карнавализация

KEYWORDS: language play, political linguistics, protest discourse, acratric discourse, carnivalization

ABSTRACT: The subject of the article is the use of language and linguistic aspects of social behavior within the protest discourses that took place after the results of the presidential elections in Belarus were falsified in August 2020. The author considers the concept of protest discourse, referring to scientific literature and comparing its interpretation by various researchers. The analysis of around 500 posters, chosen from the corpus of a first month of Belarusian numerous and various protesting activities, is focused on both rhetoric and language means of protesting communicative actions, namely on lexical nomination and code switching, wordplay and structural modifications, neologisms, paronomasia, irony, graphic operations and others, which, in the format of peaceful demonstrations (on behalf of the demonstrators) actualizes the features of carnivalization and the acratric type of discourse.

¹ Авторы выражают благодарность коллегам за помощь в сборе материала: Элле и Джиму Дингли (Лондон), Юлии Мазуркевич-Сулковской (Лодзь), Ирине Ухвановой-Шмыговой (Минск) и Марку Лазинскому (Варшава).

1. Введение

Данная статья посвящена лингвистическому анализу протестных дискурсов как формы общественного сопротивления против произвола властей. 9 августа 2020 года после завершения президентских выборов в Белоруссии² по всей стране начались массовые выступления людей, поводом для которых послужила распространяемая по интернету информация о многочисленных нарушениях в процессе выборов, а также предварительные данные Центризбиркома, согласно которым действующий президент Александр Лукашенко набрал около 80% голосов. Против протестующих были брошены отряды ОМОНа³, вооруженные спецтехникой, гранатами, резиновыми пулями и слезоточивым газом. В интернете появились многочисленные свидетельства жестоких репрессий по отношению к мирным демонстрантам, избиений и массовых арестов. Несмотря на это акции протеста продолжались весь август, сентябрь и октябрь. На некоторых крупных предприятиях начались забастовки, к протестующим присоединились отдельные официальные белорусские политики (в частности, дипломаты) и журналисты, в том числе работающие в государственных СМИ.

История протестного движения в современной Белоруссии насчитывает более двух десятилетий. Первая большая акция («Минская весна») состоялась 24 марта 1996 года, в «День воли» – эта традиционная акция вылилась в серию массовых протестов против подписания интеграционных соглашений с Россией. Каждые очередные выборы президента сопровождались протестными выступлениями граждан, которые жестоко подавлялись. В 2006 году протестующие организовали на Октябрьской площади Минска палаточный городок, удерживая его в течение почти недели. В 2018 году, когда в Белоруссии был обновлен декрет о «социальном иждивенчестве» и принят новый декрет о «содействии гражданам в трудоустройстве», «стимулировании занятости» и проведении профилактической работы с «асоциальными элементами», началась «охота на тунеядцев», что вызвало уличные протесты в масштабах, каких Белоруссия не знала с середины 90-х годов (Проблемы 2018, 161).

² В официальных белорусских документах на русском языке (в соответствии с Законом № 1085-XII «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР» принята лексическая форма *Беларусь*, однако в русскоязычных текстах в России и других странах используется также старое название: *Белоруссия*. По нашему мнению, именно оно является правильным с точки зрения грамматики русского языка, в котором функцию соединительного гласного звука выполняет «о», а не «а» (в отличие от белорусского языка).

³ ОМОН – отряд мобильный особого назначения.

Протестные акции в Белоруссии неизменно вызывали и вызывают интерес у журналистов и работающих для СМИ политологов, однако они не стали предметом систематических научных исследований (хотя в целом социологические исследования протестного движения имеют богатую историю, см. Oyedemi 2020). Можно сослаться на единичные публикации – например, на обстоятельную статью А. Усмановой (2006) о политической эффективности различных форм культурного протеста в условиях белорусской действительности. Немецкий журнал „Osteuropa“ посвятил белорусским протестам два номера (2020/10-11) с общей темой „Macht statt Gewalt oder: Gewalt statt Macht Belarus: Schritte zur Freiheit oder: Repression, Schikane, Terror“.

В научной литературе, однако, практически не исследовался семиотической и дискурсивный аспект белорусского протестного движения. Предлагаемая статья представляет собой попытку восполнить этот недостаток, тем более что события 2020 года добавили в общую картину белорусского сопротивления новые элементы.

Статья состоит из трех частей. Первая часть посвящена понятию протестного дискурса, его основных стратегий и форм реализации. Здесь же представлен обзор наиболее значимых публикаций в области протестных дискурсов. Во второй части будет дана общая характеристика белорусского протестного дискурса, с учетом его исторических, социо-культурных и политических факторов. Третий раздел содержит анализ языковых средств, используемых протестующими во время демонстраций. Главное внимание при этом будет сосредоточено на формах проявления языковой креативности или, другими словами, карнавализации протестного дискурса.

2. Понятие и общая характеристика протестного дискурса

В соответствии с современным пониманием, дискурс – это секвенция взаимосвязанных языковых действий, реализуемых в диалогической или монологической форме, как правило (но не обязательно) коммуникативного характера, интерпретация которых связана с содержанием и формой (в том числе канализацией) речевых сообщений, типом интеракции (в случае диалога) и ее участниками, а также местом, временем и другими обстоятельствами (см. Grabias 2003, 264 ссл.). Социальный протест представляет собой одну из разновидностей дискурса⁴ (см. Almog/Barzilai 2014; Antić 2019; Hill 2018; Johnston 2010; Jordan/Gilbert 1999; Leone 2016; Melina/Schram 2015 ссл.), которая выделяется по ряду характеристик. Если принять во внимание параметры

⁴ Употребляются также термины *протестное письмо* (Скиперских 2014, 108) и *протестные тексты* (Леонтьева/Щетинина 2017, 173).

дискурса, перечисленные в работе: van Leeuwen/Wodak 1999, 94 ссл.⁵, в качестве основного следует признать первый параметр – «действия». В соответствии со словарным толкованием, протест – это «решительное возражение против чего-либо, заявление о несогласии с чем-либо, о нежелании чего-либо» (Евгеньева 1984, 532), хотя следует добавить, что выражение несогласия, как правило, содержит в себе персуазивный аспект – давление на адресата (адверсатора), склонение его к отказу от ранее принятых решений и принятию требований протестующих. Протестные действия принимают разные формы: мирные шествия протестующих, манифестации, митинги, пикеты, забастовки, абсентеизм, терроризм, хотя, как пишет Д. А. Ластовкина (2015, 3), в последнее время все большую популярность получают так называемые спектакулярные формы протеста: флэш-мобы, хэппенинги, перформансы и др., особенность которых состоит в том, что акцент ставится не на массовость акций, а на их медийность, т.е. возможность представления видео-информации в интернете (на информационных сайтах агентств или в социальных сетях⁶).

Кроме этого протестный дискурс выделяется с точки зрения параметра «участники» и параметра «условия правомочности»: активными участниками-исполнителями⁷ (особенно в случае массовых протестов) являются группы людей, представляющие гражданское общество и, как правило, находящиеся вне власти. В этом смысле протест относится к области акратических дискурсов, в соответствии с определением Р. Барта (1989, 537). Как пишет И. В. Костерина (2009, 193; см. также: Руденкин 2019; Архипова/Сомин/Шевелева 2014, 128), протестные дискурсы наиболее характерны для молодежной среды, которая наиболее восприимчива к неравенству и социальной несправедливости. Т. Б. Щепанская (2003, 143) пишет о наибольшей предрасположенности к противопоставлению себя власти в группе субкультур, занимающих подчиненное положение в системе социальных институтов. П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова (2016, 218) считают, что хотя профессиональные субкультуры занимают в этой системе скорее привилегированное положение, в этой среде также наблюдаются примеры «протестного поведения»: профессионалы «противопоставляют себя властям, отстаивая групповые или более общие человеческие идеалы».

⁵ Этими параметрами являются: 1) действия; 2) участники; 3) показатели успешности; 4) время; 5) место; 6) инструменты и материалы; 7) кодекс одежды (англ. *dress and grooming*); 8) условия правомочности. Перечисленные параметры в значительной степени повторяют ранее определенные Д. Хаймсом компоненты речи, англ. *components of speech* (Hymes 2003, 40 ссл.). Варианты параметризации дискурса представлены в научной литературе в широком ассортименте.

⁶ Причем социальные сети для освещения протестных событий, как показывает М. Яковлев (2013), используются как протестующими, так и сторонниками власти.

⁷ И. Ф. Ухванова-Шмыгова (2014, 35 ссл.) определяет этот параметр как кортеж.

Третьим важным аспектом протестного дискурса являются «инструменты и материалы». Выражение несогласия, обращенные к властям требования и прокламация ценностей осуществляются с помощью специальных знаковых объектов (например, плакатов или выкриков). Считается, что публичный дискурс этого рода имеет поликодовый и мультиканальный⁸ характер: для передачи информации используются как вербальные, так и невербальные (прежде всего визуальные⁹) знаки. В принципе, действия и знаковые объекты в структуре протестного дискурса тесно интегрированы друг с другом: сценарий действия предполагает использование определенных знаковых средств, которые – с другой стороны – создаются (или извлекаются из семиотического кода) с расчетом на определенное материальное воплощение и соответствующее позиционирование.

Для протестов характерно также знаковое использование параметра «место»: массовые акции, а также спектакулярные формы протеста обычно происходят в общественных местах – на городских улицах, площадях, в скверах и т.д., в связи с чем появились такие термины, как *уличная политика* и *уличный дискурс* («пространство сопротивления») специально исследуется в работах: Скиперских 2014а, 2014б; 2016¹⁰). Это имеет, с одной стороны, «технический» характер – допускает большое скопление людей, присутствие наблюдателей, в первую очередь – журналистов. С другой стороны, использование городского пространства имеет символический характер: тем самым подчеркивается значительный масштаб и открытость акции. Важным элементом протеста является дополнительно включаемая в дискурс символика городского пространства: манифестации вблизи правительственных зданий подчеркивают ультимативный и императивный характер действия, тогда как манифестации на фоне памятников культуры в большей степени заключают в себе аффирмативный потенциал, т.е. апелляции к положительным ценностям.

Протестные дискурсы относятся к разным сферам публичной деятельности. В первую очередь это сфера политической деятельности (когда протесты направлены против государственной власти или местного самоуправления), однако данной сферой протесты не ограничены. Можно напомнить, что слово *протест* означает также официальное возражение несогласия с каким-либо

⁸ В литературе последнего времени употребляется термин *мультимодальный* (см. Пильгун 2018), который с нашей точки не приемлем, поскольку модальность в гуманитарных науках в соответствии со сложившейся традицией имеет совершенно другое значение – относится к области интерпретативной функции языковых сообщений, а не к области их канализации.

⁹ В качестве примера можно привести «движение жёлтых жилетов» (фр. *mouvement des Gilets jaunes*) – протестное движение во Франции в конце 2018 года, во время которого участники самоидентифицировались благодаря ношению светоотражающих жёлтых жилетов. Впрочем, этот феномен можно отнести и к области «кодекса одежды» как одного из параметров дискурса.

¹⁰ Данный автор, например, пишет о специфике русской культуры, в которой сопротивление «изначально обречено на некую компактность, на тесноту» (Скиперских 2016, 20).

решением, например, в случае протеста в порядке надзора. Разные формы протеста существуют в области науки, образования, искусства, религии и т.д. В интернете¹¹ можно прочитать о публичных демонстрациях сторонников концептуализма в искусстве (и одновременно противников традиционного искусства), во время которых девушки, вымазанные фирменным «международным синим цветом Кляйна», катались по лежащему на полу холсту. Все это происходило под аккомпанемент оркестра, играющего «Монотонную симфонию», состоящую из одной ноты длиной в десять минут и паузы такой же продолжительности.

Дискурс, как известно, представляет собой упорядоченную совокупность речевых действий (англ. *speech acts set*, см. Murphy/Neu 1996; Válková 2013) Hutchby/Wooffitt 2001, 38). Протестный дискурс с точки зрения составляющих его знаковых действий не является однородным. И. Ф. Ухванова-Шмыгова (Oukhvanova-Shmygova 2015, 52) различает четыре типа дискурсивной деятельности: практическую, номинативную, речевую и опыт-аккумулирующую. В случае массовых политических протестов практический аспект заключается в реализации речевых актов ультимативного, дискредитативного и облигативного характера: протестующие 1) выражают свое несогласие с действиями властей, 2) обвиняют власти в нарушении законов¹² и 3) требуют отмены несправедливых для общества постановлений. Номинативный (другими словами – прокламативный, агитационный) аспект состоит в декларации принципов и ценностей современного общества, которые, по убеждению протестующих, должны соблюдаться также властями. Речевой аспект касается знаковых форм воздействия на адресата, в частности, языковой креативности, благодаря которой обеспечивается особая выразительность речевых актов (см. Скиперских 2014b, 108). Опыт-аккумулирующий аспект протестного дискурса состоит в самоидентификации протестующих как значимого социального сектора с общими ценностями и целями. Неслучайно главным символом протестного движения в Польше в 80-е годы прошлого столетия стал концепт «солидарность».

Протестные (особенно массовые) дискурсы, как правило, имеют опосредованный характер: протестующие как участники массовых шествий и манифестаций не обращаются непосредственно к представителям властей – предполагается, что соответствующая информация будет передана по медийным каналам. С учетом этого обстоятельства роль (традиционных и конвергентных) СМИ, а также социальных сетей становится едва ли не

¹¹ <https://style.rbc.ru/impressions/5716389a9a79472acdb34ba8> [доступ: 10 X 2020].

¹² Обвинения могут иметь более общий или более частный характер. Так, А. Б. Бушев (2015, 179) пишет, что во время украинских протестов 2014 года обвинения против президента Януковича касались в том числе и совершенных им уголовных преступлений.

решающей¹³. Государственные СМИ стараются замалчивать протесты, уменьшать их масштаб, фальсифицируют мотивы и цели протестующих.

Протестные дискурсы стали предметом многих научных исследований. В статье нет возможности представить полный обзор публикаций, поэтому мы ограничимся рассмотрением только некоторых из тех, касающихся Восточной Европы.

А. Б. Бушев (2015, 173 ссл.) пишет о существующих подходах к изучению протестных дискурсов – с точки зрения теории депривации, политической лингвистики и политической концептологии, а также семиотики политической коммуникации. Протест определяется как «политическое поведение социального актора, [...] проявление негативного отношения к политической системе в целом, к отдельным ее элементам, нормам, ценностям» (там же, 175). Среди важнейших аспектов изучения протестных дискурсов Бушев упоминает риторико-герменевтический и этно-культурный, при этом считает, что особого внимания заслуживает изучение стереотипов, оценочности и политической корректности.

А. В. Скиперских является автором серии публикаций о протестных дискурсах в России и Украине (2014а; 2014б; 2016; 2018а; 2018б). Так, в статье 2014 года ученый пишет о формах позиционирования протестного письма, различая три типа поверхностей в городском публичном пространстве: 1) сам город (здания, крыши зданий, дороги, деревья, столбы и т.д.); 2) человек (одежда, прическа, акты и др.); 3) коммуникации (блогосфера, социальные сети, театр и др.). Автор исходит из предпосылки, что природа не терпит пустоты, он пишет:

На пустую поверхность всегда будет проситься определенное письмо, его субъект будет томим стремлением соединения собственной воли с данной поверхностью. [...] Субъект протеста, волею обстоятельств уклонившийся от фронтальных столкновений с репрессивной политической машиной и сделавший выбор в пользу протестного письма, как раз и пытается заставить «говорить» пустое место, концептуализируя его и производя для места смысл (2014б, 109).

Многочисленные протестные практики, когда «вогнутость» пустого пространства заполняется «выпуклостью» протестного письма, Скиперских трактует как своего рода арт-активизм: протест выходит за рамки ультимативной функции, включая элементы креативной сублимации. Исследователь объясняет это асекуративностью – стремлением субъектов обеспечить анонимный характер протестных действий, что особенно важно в провинции, где шествия менее многолюдны. Из наблюдений ученого следует общий

¹³ Протестные события 2014 года в Украине освещались на сайте Би-би-си в режиме реального времени.

вывод: «увеличение несистемной компоненты в российском политическом процессе [...] оказывается прямо пропорциональным увеличению объемов поверхностей, охваченных политическим протестным письмом» (2014b, 112).

В монографии С. А. Жаботинской (2015) исследуется языковой аспект украинской революции на Майдане 2013-2014 годов. Исследовательница собрала и описала более 400 лексических неологизмов на русском и украинском языках. Собранные единицы составили тематический словарь, в котором они описываются с точки зрения значения, а дополнительно – с точки зрения прагматических характеристик. Вот примеры тематических рубрик: «О себе», «О Верховной Раде, партиях и политиках», «Об антиукраинских СМИ», «О России как агрессивном соседе» и др. Так, в разделе «О Януковиче и его правлении» приводятся многочисленные наименования президента Виктора Януковича (Жаботинская 2015, 48):

(1) Б а н д ю к о в и ч (от разг. *бандюк* ‘бандит’)

З э к (от *заклоченный*, *ЗК*) – прозвище, говорящее о том, что Янукович в молодости был фигурантом нескольких уголовных дел и сидел в тюрьме¹⁴

Я н у к о в о щ (от *овощ*, разг. ‘человек, лишенный способности мыслить’)

– прозвище, указывающее на неадекватную и недальновидную политику президента

Я н у ш е с к у (от имени *Чаушеску*) – прозвище Януковича, появившееся после жестокого разгона Евромайдана спецподразделением «Беркут»

30 ноября 2013 года. Подразумевается, что Янукович стал на путь, который в свое время прошел румынский диктатор Николае Чаушеску

Я н у к о - В И Ч (от *ВИЧ-инфекция*) – прозвище, указывающее на вредоносность президента Януковича для Украины

Ч и в о к у н я (фамилия *Янукович*, прочитанная наоборот) – прозвище, популярное среди участников Майдана, вероятно, благодаря своей ассоциации с именем *Чупакабра* (в переводе с испанского ‘козий вампир’), которое носит неизвестное науке существо, персонаж городских легенд, согласно которым чупакабра убивает домашних животных и высасывает у них кровь

Обобщая результаты своего исследования, Жаботинская (2015, 35) пишет, что лексические инновации служат закреплению в сознании людей определенной идеологической картины мира, при этом, как подчеркивает исследовательница, в условиях концентрированной войны адресатом протестного дискурса является не столько противник, сколько потенциальный союзник¹⁵, а дискредитация

¹⁴ Жаботинская приводит бытовавшее среди протестующих ироническое подражание известной советской песне: *Широка страна моя родная / Много в ней лесов, полей и рек / Я другой такой страны не знаю / Президент которой – бывший зэк.*

¹⁵ А. С. Бородулина (2019, 182) в своей рецензии ссылается мнение сторонников активистской концепции (Jalbert/Willow/Casagrande et al. 2017), согласно которой социальным изменени-

власти осуществляется с целью привлечь новых сторонников. Что касается механизма создания пейоративности, он состоит главным образом в том, что соответствующий отрицательный признак кодируется во внутренней форме слова (т.е. является конструктивно мотивированным), что обеспечивает его максимальную выразительность, как, например, в случае неологизма *Даун-басс* (от *даун* 'умственно неполноценный' и *Донбасс*).

Проблематика протестных дискурсов, кроме того, исследуется в научных публикациях: Архипова/Алексеевский 2014; Ваньке/Кулаев 2015; Леонтьева/Щетинина 2017; Пильгун 2018; Пономарев 2018; Руденкин 2019; Kliuchnikova 2013; Ухванова-Шмыгова/Савич/Ефимова 2009 и др.

3. Характеристика белорусских протестных дискурсов

О. Лещак (Leszczak 2015, 63) пишет о существовании локальных дискурсов, связанных с местом публичной деятельности. В этом смысле протест может быть французским, ливанским, украинским, полесским, поморским, провинциальным, городским и т.д. Данная характеристика важна в силу того, что гео-культурный контекст существенно влияет на содержание и формы реализации каждого дискурса. В связи с этим и у белорусских протестных дискурсов есть своя специфика.

3.1. Ломка стереотипов (памяркоўнасць)

Массовые протесты белорусов ломают широко распространенный стереотип о характере белорусского этноса. Считается, что белорусам свойственна *памяркоўнасць*. Хотя Ю. Чернявская (2010, 320) переводит это белорусское слово на русский язык как *рассудительность* (оно происходит от глагола *меркаваць* 'думать, рассуждать, считать'), в общественном сознании оно, скорее, ассоциируется с такими характеристиками, как покладистость, умеренность, уступчивость, терпеливость¹⁶. Склонность белорусов к конформизму имеет свои исторические корни. Начиная с XVII века, территория Белоруссии постоянно была ареной военных действий и (жестоко подавляемых) политических восстаний, что привело к значительному сокращению численности населения. И в составе Польши, и в составе Российской империи (позднее Советского Союза) Белоруссия имела статус окраины (страна обрела государственность только в 1991 году), что отразилось на общественном сознании белорусов.

ям (как цели протестных дискурсов) «предшествует трансформация сознания» гражданского общества. Яркие акции протеста, как пишет исследовательница, «сеют семена для нового критического сознания».

¹⁶ https://arzamas.academy/mag/878-zhyve_belarus [доступ: 10 X 2020].

Вряд ли можно категорически утверждать о характерном для них комплексе неполноценности – скорее о предрасположенности к компромиссам и уступкам. Это, например, проявляется в господстве русского языка как средства коммуникации в официальной и повседневной сферах¹⁷. В течение почти 30 лет государственного суверенитета Белоруссии возрождение белорусского языка так и не произошло.

Чрезмерная *памяркоўнасць* белорусов высмеивается в фольклоре, ср. один из анекдотов:

- (2) Решили ученые провести эксперимент. Поставили в темной комнате табуретку, из которой торчит гвоздь. Садится русский. Вскрикивает, матерится и разносит скамейку в щепки. Садится украинец. Вскрикивает, достает гвоздик, кладет в карман: «В хозяйстве пригодится». Садится белорус. Сначала ойкает, потом успокаивается и рассудительно говорит: «А можа, так і трэба?»

3.2. Протестная традиция

Как уже указывалось во Введении, за годы государственной независимости в Белоруссии сформировалась определенная протестная традиция и вообще – традиция уличных действий. Следует признать, что их значимость в общем политическом контексте оценивается по-разному. Так, А. Усманова (2006, 93) пишет о кризисе репрезентативной демократии в Белоруссии и политической инертности белорусов. По данным некоторых опросов, около 80% населения остаются равнодушными к политическим событиям в стране, в частности, к преследованиям оппозиции. Впрочем, количественный показатель не является определяющим – не менее важное значение имеет характер репрезентации, детерминация протестных групп, их организованность, сопутствующие (в том числе внешние) факторы.

В связи с протестной традицией следует упомянуть массовые уличные шествия и манифестации, которые имеют регулярный характер: «Чернобыльский шлях» – ежегодное шествие белорусской оппозиции 26 апреля, приуроченное к годовщине аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году; «Дзень волі» – ежегодная манифестация, приуроченная к образованию Белорусской Народной Республики (БНР) 25 марта 1918 года. Массовыми протестами сопровождаются также каждые очередные президентские выборы¹⁸.

¹⁷ По данным 2009 года белорусы составляли 83,7% населения республики, при этом только 60,8% назвали белорусский язык родным языком. См.: <https://abai.kz/post/12545> [доступ: 10 X 2020].

¹⁸ Усманова (2006, 93) напоминает также о массовом протесте, причиной которого стало то, что Белтелерадиокомпания не сумела обеспечить трансляцию матчей чемпионата мира по футболу 2018 года.

Культура уличных действий современных белорусов сформировалась также благодаря проведению неполитических мероприятий. Одним из ярких примеров является проводимый с 2014 года минский фестиваль уличного искусства (урбан-арта) „Vulica Brasil”¹⁹ (см. Oukhvanova-Shmygova/Yelsukova 2020). Программа фестиваля предусматривает открытые формы коммуникации и активное участие горожан: лекции по урбанистике, мастер-классы по арт-техникам, танцы и театр, эко-маршруты, выставки, посадку леса непрерывного цветения, работу над генпланом и урбан-объектом Vulica Brasil, ярмарки и др. Когда в информационном буклете фестиваля мы читаем: «Vulica Brasil – фестиваль уличного искусства, в рамках которого бразильские и белорусские художники расписывают стены в различных локациях Минска, преимущественно в центре, создавая муралы высотой в несколько этажей»²⁰, становится понятным источник креативности молодых белорусов во время политических протестов.

3.3. Исторический и гео-политический фактор

На интерпретацию белорусских протестов в определенной степени влияет также историческое прошлое – принадлежность белорусских земель к Речи Посполитой и Польше. С одной стороны, именно западные соседи, Польша и Литва, наиболее активно поддержали белорусскую оппозицию и выступили с инициативой применения санкций ЕС против белорусских властей. С другой стороны, этот фактор активно используется властью: массовые протесты представляются как спровоцированные внешними силами²¹. Тем самым аутентичность, «искренность» протестов ставится под сомнение. М. Туровец (2015, 18) пишет, что этот прием регулярно используется властями: протестное движение представляется как инспирированное враждебными внешними силами – западными правительствами и специально обученными западными фондами. Такая дискурсивная стратегия вслед за С. Жижекком определяется как ультраполитическая: она означает интерпретацию любого политического противостояния в терминах войны.

Фактор внешнего воздействия обращает внимание на параметр протестного дискурса, который в первом разделе не был упомянут, а именно – «формирование протеста» (см. Леонтьева/Щетинина 2017, 177). Власть сознательно

¹⁹ <http://www.vulica-brasil.by> [доступ: 10 X 2020].

²⁰ <https://afisha.tut.by/other/vulica-brasil> [доступ: 10 X 2020].

²¹ Так события в Белоруссии летом 2020 года были интерпретированы руководителями России и Китая.

культивирует мотив подстрекательства, так чтобы дискредитировать протестное движение, поставить под сомнение его аутентичный, стихийный, народный характер.

3.4. Дискурсивные системы

Р. Барт (1989, 537) писал, что внутри акратической сферы происходят разделы, приводящие к появлению и сосуществованию разных дискурсивных систем. В условиях Белоруссии это явление имеет свою специфику. С одной стороны, белорусская оппозиция малочисленна и с организационной точки зрения достаточно слаба, поэтому единство протестных действий обеспечивается за счет наиболее активных лидеров мнения – преимущественно людей из молодежной среды, а также за счет интернет-технологий²². Несмотря на эти действия оппозиционное движение во многом является раздробленным.

С другой стороны, протестующие, как представляется, сознательно применили тактику социальной диверсификации: наряду с массовыми, «общими» протестами появились протесты, участники которых идентифицируются по социальному признаку – как рабочие, как женщины, как студенты, как пенсионеры, как спортсмены (соответственно и протестные акции получили названия: «Марш женщин», «Марш студентов», «Марш пенсионеров», «Спортсмены с народом» и т.д.).

Рис. 1. Флот РБ с народом²³

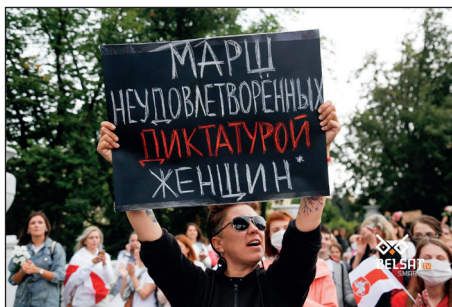

Рис. 2. Марш неудовлетворенных диктатурой женщин

²² «Героем нашего времени» можно назвать Степана Путило, создателя наиболее популярных (более 2 млн. подписчиков) Telegram-каналов NEXTA и NEXTA Live, на которых публикуются планы протестных действий (где и когда пройдет очередной митинг, пункт сбора и маршрут движения колонны протестующих и под.), осуществляется постоянная координация действий митингующих, сообщается о передвижениях ОМОНа, ведется информирование о жестоких задержаниях во время акций протеста и т.д. Все события иллюстрируются видео- и фотоизображениями.

²³ Все графические иллюстрации заимствованы из интернета. В связи с большим количеством иллюстративного материала указание всех источников не представляется возможным.

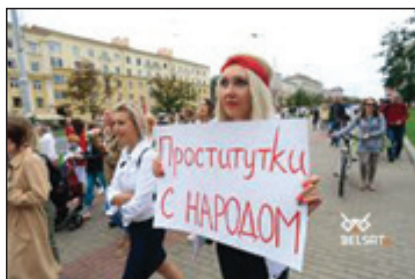

Рис. 3. Проститутки с народом

Рис. 4. Спортсмены с народом

Приведенные выше иллюстрации показывают, что, хотя некоторые самоидентификации имеют явно иронический характер, в то же время они символичны: субъекты протеста выступают не как безликая толпа, а как сообщество граждан, каждый из которых осознает свою социальную принадлежность и свою индивидуальность.

Во время белорусских протестов 2020 года на первый план выдвинулся, ранее неактуальный, гендерный аспект: особую активность во время демонстраций стали проявлять женщины, в частности, организуя свои женские марши. Это движение возникло из солидарности со Светланой Тихановской, которая по неофициальным данным победила в президентских выборах на многих участках. Кроме того, вместе с Тихановской предвыборную кампанию возглавили Мария Колесникова, координатор штаба кандидата в президенты Виктора Бабарико, арестованного за три недели до выборов, а также Вероника Цепкало, жена Валерия Цепкало, которому было отказано в регистрации в качестве кандидата и который был вынужден эмигрировать из страны под угрозой ареста. Впоследствии женские протесты усилили мотив противостояния власти благодаря оппозиции: женщины в белом, с белыми цветами (гражданское сопротивление) vs. мужчины в черном (ОМОН, репрессивные отряды).

Рис. 5. Светлана Тихановская, Валерия Цепкало, Мария Колесникова

Особенно интересным явлением стал порожденный протестами локальный патриотизм – привязанность протестных действий к определенным сферам городского пространства²⁴. Жители микрорайонов Минска (Сухарево, Новинки, Золотая Горка, Запад, Зеленый Луг и др.) стали организовывать свои локальные (дворовые) манифестации. Люди стали объединяться по территориальному признаку, создавая логотипы и флаги своих районов и дворов²⁵ – символы локальных (и одновременно неформальных) сообществ.

3.5. Карнавализация

В литературе можно встретить мнение о том, что белорусская семиотическая культура, например, по сравнению с украинской, является менее совершенной, а белорусам свойствен определенный индифферентизм по отношению к знаковой сфере социального поведения. Н. Б. Мечковская (Мячкоўская 2012) видит причину такого положения дел в политической истории. Белорусы, по ее мнению, были наказаны Российской империей за сочувствие к Польше, тогда как в Украине, союзнице России в ее войнах против Польши, царское правительство содействовало функционированию университетов и лицеев: перед первой мировой войной там было более десяти высших учебных заведений, в том числе консерватория. В Белоруссии в результате раздела Речи Посполитой были закрыты учебные заведения, библиотеки, архивы. Это нашло отражение в денационализации культурного сознания интеллигенции и чиновников, а также в снижении общего уровня образования населения: до первой мировой войны он в Белоруссии был самым низким в сравнении с другими регионами европейской части России. Поэтому, считает Мечковская, белорусам свойственна инфантильность по отношению к языку и в целом по отношению к образованию, книжности, городской культуре и разного рода «идеологиям». Е. А. Потехина (2006, 96 ссл.) отмечает различие украинского и белорусского подходов к реформированию правописания (2006, 91 сл.): на Украине реформа правописания – одна из важнейших государственных задач, поэтому состав правописной комиссии (в которую входят 44 человека) утверждается Кабинетом министров. В Белоруссии же только в 2010 году появилась новая редакция старых правил орфографии, при этом один из ее авторов, А. А. Лукашанец (в течение многих лет – директор Института

²⁴ Старшее поколение белорусов было воспитано в духе пространственного унитаризма, ср. сентенцию из известной песни: «Мой адрес – не дом и не улица, / Мой адрес – Советский Союз».

²⁵ См. подробнее об этом: <https://citydog.by/post/flagi-mikrorayonov-minska> [доступ: 10 X 2020].

языкознания) признал, что внесенные изменения незначительны, так как серьезное реформирование орфографической системы нецелесообразно²⁶.

Протестные события 2020 года, а также предыдущих лет опровергают этот стереотип. Наблюдения показывают, что участники митингов, шествий, перформансов – в реальной действительности, – а также пользователи интернета (в том числе блогеры, ютуберы и др.) – в виртуальной действительности, проявили большую изобретательность и креативность. В условиях, когда прямое воздействие на власть невозможно, а президент Лукашенко не хочет идти на какие-либо уступки, в действиях протестующих появился новый аспект – своего рода сублимация (Скиперских 2014, 110) посредством акций развлекательного, экспрессивного и сатисфактивного характера.

В связи с этим А. Колесников (2020) пишет о карнавальном характере белорусских протестов. Данный автор ссылается на теорию М. М. Бахтина, согласно которому карнавал означает «временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов» (1990, 15). По выражению Бахтина, во время карнавала «человек возвращался к себе самому и ощущал себя человеком среди людей». Элементы карнавальности можно усматривать в характере (содержании и форме) многочисленных языковых лозунгов, представленных на плакатах и в форме граффити, наружных графических изображений (на стенах зданий и помещений, заборах, тротуарах и др.), а также действий во время проведения флеш-мобов, хэппенингов, перформансов и т.п. (с использованием атрибутов: кукол, макетов и др.). Например, в 2011 году интернет-движение «Революция через социальные сети» каждую среду собирало молчаливые митинги: люди выходили на улицы без флагов, транспарантов и лозунгов – в знак протеста политики президента Лукашенко они солидарно аплодировали. За участие в этих акциях было задержано около 2000 тысяч человек, в том числе гражданин Гродно – однорукий инвалид²⁷.

Карнавальный характер белорусских протестных дискурсов в значительной степени объясняется фигурой самого Александра Лукашенко, речь которого изобилует грамматическими ошибками, вызванными белорусско-русской интерференцией, а также содержит примеры неправильного употребления иностранных слов и логические ошибки²⁸, ср. некоторые его высказывания:

- (3) Только я взялся за яйца, как сразу масло пропало.
- (4) Мы эту проблему решили в узком кругу ограниченных людей.
- (5) Мы им окажем гуманитарную помощь... оружием.
- (6) Я на этой земле родился, я здесь и умру. Чего бы мне это ни стоило.

²⁶ <http://www.svaboda.org/content/article/773186.html> [доступ: 10 X 2020].

²⁷ <https://www.ntv.ru/novosti/232803> [доступ: 10 X 2020].

²⁸ На одном из митингов протестующие несут плакат с надписью: *Ну как ашчушчэния?*

- (7) Я постоянно ператрахиваю весь парламент и знаю кто врот, а кто не врот.
 (8) Я вам наложу вето на табу.
 (9) Беларусь стояла на краю пропасти, и я помог ей сделать шаг вперед.

После того, как в 2016 году на пятом Всебелорусском национальном собрании Лукашенко заявил с трибуны:

- (10) Инновации, IT-технологии, приватизация и прочее, все это понятно, мы уже это освоили. Но всё, и наша жизнь тоже, в простом: *надо раздеваться и работать* до седьмого пота!²⁹

был организован массовый флэш-моб «Раздеваться и работать»: белорусы начали приходить в офисы голышом и делиться фотографиями в социальных сетях.

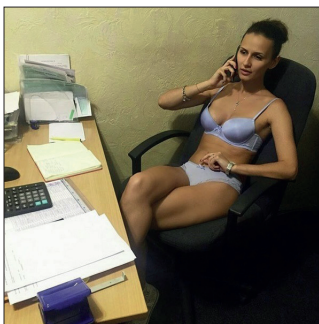
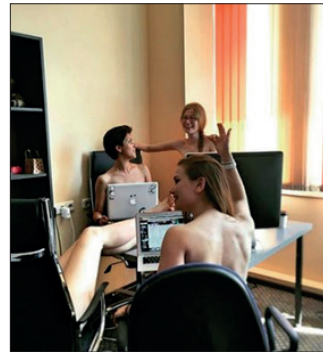

Рис. 6-9. Флэш-моб «Раздевайся и работай» (2016)

²⁹ [https://ru.wikiquote.org/wiki/ Александр_Григорьевич_Лукашенко#cite_note-56](https://ru.wikiquote.org/wiki/Александр_Григорьевич_Лукашенко#cite_note-56) [доступ: 10 X 2020].

Карнавальный стиль протестов реализует своего рода эмпатическую функцию: юмористический характер многих текстов пародирует стилистику адверсатора, в результате чего его дискредитация усиливается.

3. Языковая креативность плакатных текстов

Языковой аспект белорусских протестных дискурсов был исследован на материале более 500 слоганов (или лозунгов), изображенных на плакатах, которые несли участницы и участники манифестаций, а также в виде граффити и муралов. При анализе языковой креативности принимались во внимание подобного рода исследования протестных и, шире, политических дискурсов: Архипова/Сомин/Шевелева 2014; Бушев 2015; Горностаева 2018; Пильгун 2018 и др.

Собранный материал был проанализирован с точки зрения языковых форм и языковых механизмов, которые обнаруживают признаки языковой креативности или же, другими словами, языковой игры. По определению Б. Ю. Нормана (2006, 7 ссл.), языковая игра 1) имеет эстетический аспект, т.е. связана с ощущением «красоты и изящности сказанного»; 2) сопряжена с комическим эффектом; 3) в ее основе лежат внутренние свойства языка. Как пишет Норман, «языковая игра – это постоянное нарушение каких-то правил, [...] балансирование на грани нормы» (2006, 10).

Следует отметить, что не все слоганы удовлетворяют этому (по своей сути карнавальному) требованию – определенная их часть имеет стандартный характер и соответствует «нулевой степени письма», если воспользоваться термином Р. Барта. Это прежде всего касается лозунгов ультимативного и прокламативного характера, ср. некоторые примеры:

- (11) За нашу и за вашу свободу!
- (12) Лукашенко – враг народа.
- (13) Долой репрессии!
- (14) Нам не нужна такая стабильность.
- (15) Нам мешают свободно дышать.
- (16) Прекратите насилие.
- (17) Мой голос украли.
- (18) Мы за мир. Жыве Беларусь!
- (19) Мы за честные выборы. Жыве Беларусь!
- (20) Остановите насилие.
- (21) Нет – насилию. Нет – действующей власти.
- (22) Беларусь, яна мая.
- (23) Стоп, насилие!
- (24) Беларусь – страна героев.

(25) Беларусь – это мы.

(26) Наш народ достоин уважения.

Рис. 10. Иди и Беларусь

Для анализа были, однако, выбраны слоганы другого типа – заключающие в себе элементы языковой игры и креативности, соответствующие карнавальному типу дискурса. К протестным дискурсам можно применить характеристику художественных текстов, о которой писал Ю. Н. Тынянов (2004, 50 ссл.) – конструктивный принцип, т.е. выделение одного аспекта языкового сообщения и нейтрализация (или «деформация», по Тынянову) других³⁰. Этим достигается особая выразительность языкового сообщения. Например, плакатный слоган

(27) Иди и Беларусь!

интересен в двух аспектах: во-первых, языковая игра состоит в переосмыслении существительного *Беларусь* как глагола в форме повелительного наклонения – благодаря сочинительной конструкции *иди и...* (напрашивается ассоциация: *Иди и не трать*). Во-вторых, автор слогана, скорее всего, отсылает к названию известного фильма *Иди и смотри*, который рассказывает о событиях в оккупированной немцами Белоруссии 1943 года. Тем самым слоган включает в себе дополнительную импликацию: сравнивает современную белорусскую ситуацию с оккупацией. Как видим, «деформация», о которой писал Тынянов, относительна, потому что конструктивный принцип, по словам самого же Тынянова, ассимилируется к стилю текста (или дискурса) и получает дополнительные коннотации.

Языковая креативность во многом опирается на языковые приемы, которые имеют дефективный характер. Они касаются разных аспектов организации речевого сообщения: лексической номинации, синтаксической структуры, семантического содержания, канализации и др. Эти явления будут рассмотрены в следующих разделах.

³⁰ В некоторой степени это напоминает «горячие медиа» в определении М. Маклюана (McLuhan 2001, 229).

4.1. Лексическая номинация

В научной литературе обращается внимание на важность такой составляющей языкового поведения, как характер лексической номинации, в частности, употребление собственных имен. В работе: Rutkowski/Skowronek 2020, 14 ссл., справедливо отмечается, что имена собственные представляют собой социальные конструкторы, часто маркированные с идеологической точки зрения и заключающие в себе коннотативное содержание. Упомянутые авторы считают, что коммуникативным функционированием собственных имен должен заниматься ономастический анализ дискурса как отдельная отрасль речеведения.

В литературе (см. Бушев 2015, 179) отмечается, что протестные дискурсы имеют особую предрасположенность к употреблению оценочной лексики. С точки зрения положительного или отрицательного характера оценок эта лексика амбивалентна: встречаются единицы и того, и другого типа. С одной стороны, протестующие провозглашают положительные ценности – как правило, альтернативные по отношению к официальной идеологии: *свобода, демократия, честные выборы, Беларусь* и др. Положительная оценка присутствует также в разных формах автопрезентации, например, при этикетировании протестных действий. Каждая значительная манифестация получает свое название – тем самым событие не только запоминается, но – благодаря знаковой форме – объективируется:

- (28) Марш свободы (16 августа)
- (29) Марш новой Беларуси (23 августа)
- (30) Марш единства (6 сентября)
- (31) Женский марш (27 сентября)
- (32) Марш героев (13 сентября)
- (33) Марш справедливости (4 октября)
- (34) Марш гордости (10 октября)

С другой стороны, названия, которые получает адверсатор, неизменно содержат отрицательную коннотацию. Прежде всего это касается личности президента Лукашенко. Вежливые, соответствующие этикету и статусу президента обращения, типа

- (35) Александр Григорьевич, у меня есть работа, а у Вас?

встречаются исключительно редко, в большинстве же случаев этикетирование президента имеет пейоративный характер. Так, еще перед выборами, весной 2020 года, широкое распространение (особенно в интернете) получил слоган:

- (36) Саша 3%.

Его происхождение связано с тем, что, когда белорусские независимые СМИ опросили читателей, за кого те проголосуют во время выборов, оказалось, что Лукашенко набрал только 3%. В интернете появились мемы, содержащие иронический слоган.

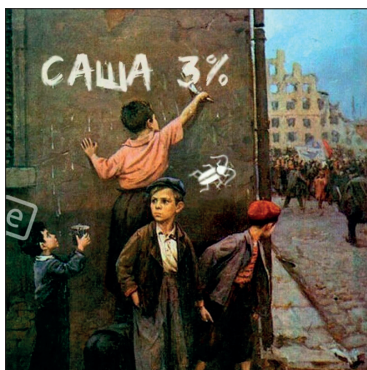

Рис. 11-16. Саха 3%

Эти мемы интересны, кроме того, элементами языковой игры. Так, имя *Саха* ассоциируется с российской маркой одеколона, а 3% указывает на содержание в нем спирта (намек на плохое качество). Другая ассоциация – с батарейкой: 3% означает слабую степень зарядки батарейки, а выражение *скоро сядет* явно двузначно: исходное значение – батарейка *разрядится* (сядет), производное значение – сядет в тюрьму.

Другой культивируемый перед выборами мотив также был инспирирован интернетом, где появились мемы, изображающие Лукашенко в виде таракана. Название *усатый таракан* некоторое время фигурировало в интернет-коммуникации, хотя во время последовавших за выборами протестов забылось³¹.

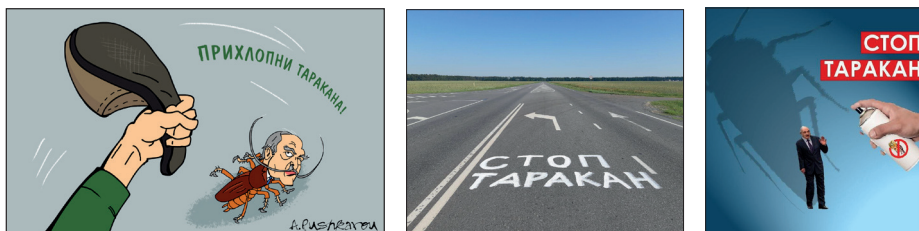

Рис. 17-19. Стоп, таракан!

Во время выборов протестующие активно употребляли фамильярное (и одновременно уничижительное) обращение *Саша* (а также его варианты: *Сашка, Саня, Шурик*):

- (37) Саша, не позорь мое имя.
- (38) Саша, я ненавижу тебя бесплатно!
- (39) Саня, уходи!
- (40) Мне приснился дивный сон –
Сашу посадил ОМОН.
- (41) Беги, Саша, беги.
- (42) Саша, выпей зелья.
- (43) Саша, конечная. Выходи!
- (44) Саша, уйди, хочу спокойно родить.
- (45) Саша, с ДР! Всего тебе самого плохого.
- (46) А Саша выйдет?
- (47) Саша, проснись! Ты обоссрался.
- (48) Саша, нас уже 100%.
- (49) Саша, НЕТ значит НЕТ.
- (50) Саша, забери трудовую.

³¹ Встречаются единичные слоганы с этим мотивом, например: *Порхай, как бабочка. Жаль, что таракан.*

При этом протестующие неизменно употребляют фамильярную форму обращения на «ты»³². Так, многотысячная колонна митингующих приблизилась к минской резиденции президента в его день рождения. Люди скандировали:

(51) Саша, выходи, будем поздравлять!

Рис. 20. Ён нам не бацька

Другая пейоративная форма обращения к Лукашенко – *Лука*. Это уничижительное прозвище появилось в 1990-е годы после того, как в газете «Свабода» была опубликована сатирическая поэма на белорусском языке «Лука Мудзішчаў – Прэзыдэнт». Это была вариация на тему «срамной» поэмы второй половины XIX века, приписываемой Ивану Баркову. Представлению Лукашенко в образе Луки Мудищева способствовало созвучие слов, а также то, что первый белорусский президент слыл любовными похождениями. Приведем несколько примеров такого рода плакатных слоганов:

- (52) ЛУКАшенко, уходи!
- (53) Лука – социально опасный садист. Уходи!
- (54) Избави нас от ЛУКАвого.
- (55) Избавляемся от вируса LUCOVID-26.
- (56) Беларусь без ЛУКАвства!
- (57) Лука слетел с катушек.

Другая вариация возникла уже в ходе протестов. Приглашенные для работы на белорусском телевидении российские журналисты по аналогии с хештегом #я97³³ образовали хештег #ябацька, основанном на прозвище *бацька*, которое

³² Фамильярность характерна также для обращений к другим политикам, например, к Владимиру Путину или Светлане Тихановской, ср.: *Вова, не чапай, бо лясне; Вова, прекрати звонить бывшим; Света – наш президент.*

³³ Хештег отсылает к Хартии'97 – оппозиционному новостному интернет-порталу.

закрепилось за Лукашенко в 1990-е годы. В интернете неологизм *#ябатька*³⁴ был переосмыслен с учетом специфики белорусского языка, а именно – по ассоциации с глаголом **баць*. Поскольку в белорусском языке на первом месте в этом слове стоит звук *я*, неологизм *#ябатька* получил негативную и к тому же ироническую коннотацию. Интересно, что в его употреблении обнаруживаются как свойства существительного, так и свойства глагола – ср. некоторые иллюстрации:

- (58) 1 белорус > 100 ябатека.
- (59) С *#ябатькой* этим в поле срать не сел бы.
- (60) Ябатька. Закат над балотам.
- (61) Жэстачайшы мульт. Праздник для ябатека.
- (62) Хватит *#ябатька* Беларусь!
- (63) *#Хватит* людям мозг ябатька³⁵.

К отмеченным относятся также и другие прозвища Лукашенко: *Лукашеску*, *дед*, *дядя*, *батя*, ср.:

- (64) Лукашеску!
- (65) Плохой дядя, уходи.
- (66) Коля, останови батю.
- (67) Деду не наливать!
- (68) Дед тронулся, господа присяжные 3%аседатели.
- (69) Дзеду з аўтаматам
не даверым мірны атам.

4.2. Модификация и реинтерпретация прецедентных текстов

Объектом языковой игры часто становятся прецедентные тексты, т.е. такие, которые известны большинству членов данного культурного сообщества и имеют обычно символическое значение. Творческая вариация на тему такого текста (как характерный для карнавала прием) вызывает комический эффект. Это явление хорошо известно, например, в журналисткой риторике. В. М. Мокиенко (1996) писал о депатетизации фразеологизмов в сфере массовой коммуникации перестроечного периода, а в статье: Архипова/Сомин/Шевелева 2014, 131 ссл., можно прочитать об использовании этого приема в протестных дискурсах.

³⁴ Встречается и его модификации: *#заябатька*, *#заябацька*.

³⁵ Встречается и шуточный неологизм *#ямацька*.

Реинтерпретация наблюдается в ситуациях, когда плакатный слоган целиком представляет собой цитату (из книги, фильма, фольклора, газетного текста, выступления политика и др.), которая, однако, в новом контексте получает другое значение. Например, когда митингующие собрались около минской резиденции Лукашенко, они стали выкрикивать:

(70) Саша, выходи во двор гулять, мы на качелях!

Это выражение представляет собой точную цитату из фильма «О чем говорят мужчины». В качестве примеров приведем несколько характерных аллегорических лозунгов, сопровождая их краткими комментариями.

(71) Зачем Володька сбрил усы?

[аллюзия к фразе из кинофильма «Бриллиантовая рука»]

(72) Насильно мил не будешь.

[аллюзия к русской пословице]

(73) Каб душою не ачарствець,

каб не страціць святое штосьці.

[аллюзия к стихотворению белорусского поэта Р. Бородулина]

(74) Открой личико, Гюльчатая!

[рядом изображение мусульманки в никабе, а также подпись: ОМОН;

аллюзия к фразе из фильма «Белое солнце пустыни»]

(75) Маска, мы тебя знаем.

[аллюзия к стереотипному выражению во время маскарада]

Модификации означают преобразования в составе и структуре цитат, а также использование отдельных элементов источника в новых сочетаниях. В тех случаях, когда источник широко известен, интерпретация аллюзивного высказывания не вызывает трудностей, как, например, в следующих слоганах:

(76) Не волнуйся, Саша – я за канарейкой.

[аллюзия к анекдоту:

Мужик открывает дверь. На пороге стоит смерть с косой – маленькой,

величиной с палец. Мужик в шоке, а смерть говорит:

– Не волнуйся. Я за канарейкой.]

(77) Дед тронулся, господа присяжные 3%аседатели.

[аллюзия к фразе из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»]

(78) Гэй, ла-ла-лалай,

ты не чакай –

нас меней не будзе.

[аллюзия к песне группы NRM «Тры чарапахі»]

- (79) Улетит вдруг колхозник
в дорогом вертолете.
[аллюзия к «Песне Крокодила Гены»]
- (80) 2020. Последние приключения Шурика.
[аллюзия к названию кинофильма Л. Гайдая]
- (81) Невиноватая я. ОМОН сам пришел.
[аллюзия к фразе из кинофильма «Бриллиантовая рука»]
- (82) Тили-тили, трали-вали,
это мы не выбирали,
это нас не посчитали,
парам-пам-пам, парам-пам-пам!
[аллюзия к песне из мультфильма «Веселая карусель»]
- (83) С днем свержения тебя!
[вместо *с днем рождения*]
- (84) Милиция с уродом.
[вместо *милиция с народом*]
- (88) Саня, хватит валять Вовку!
[вместо *валять Ваньку*]
- (86) Бьет, значит – сядет.
[модификация пословицы *Бьет – значит, любит*]
- (87) Прошлое, Саша, не воротится,
и не поможет слеза.
[песня Александра Солодухи «Чужая милая»]
- (88) Первая причина – это ты.
А вторая – все твои менты.
[модификация текста песни: *А вторая – все твои мечты*]
- (89) Саша, 6-й блин комом. Остановись!
[модификация фразеологизма *первый блин комом*]
- (90) А у нас стрелял спецназ?
А у вас?
[модификация стихотворения С. Михалкова: *А у нас в квартире газ! А у вас?*]
- (91) Любишь быть фюрером, люби и застрелиться.
[модификация фразеологизма *Любишь кататься, люби и саночки возить*, а также аллюзия к словам Лукашенко, похвалившего Гитлера за создание сильной государственной власти]

Однако некоторые источники парафраз имеют более специфический, окказиональный характер – тогда их понимание доступно только наиболее активной части протестующих. Это, в частности, касается некоторых высказываний президента Лукашенко и приближенных к нему чиновников. Так, встречаются аллюзии к утверждению министра МВД Караева, что за участие в митингах протестующие получают вознаграждение, а также высказывание Лукашен-

ко о наркоманах и проститутках, которые якобы составляют большинство протестующих:

- (92) Они 3% любят его за деньги. Мы ненавидим его бесплатно.
- (93) Саша, я ненавижу тебя бесплатно!
- (94) Прастытуткі з народам!
- (95) Наркаманы з народам!
- (96) Как похорошел Минск при наркоманах и проститутках.

На одном из доступных в интернете видео³⁶ по заполненной демонстрантами улице идет мужчина с транспарантом и кричит:

- (97) – Проститутки здесь?
Толпа отвечает ему:
– Здесь!
– Овцы здесь?
– Здесь!
– Наркоманы здесь?
– Здесь!

4.3. Симуляция, ирония, метафора

Многие слоганы имеют симулятивный характер: по своей языковой форме они выражают определенный смысл (семантическую или прагматическую информацию), хотя из контекста вытекает, что цель их употребления другая. Например, используется прием косвенных речевых актов, когда ультимативная или обвинительная интенция речевого субъекта реализуется в форме утвердительного или вопросительного предложения:

- (98) Что бы ты сделал с человеком, который изнасиловал твою сестру?
- (99) Мне стыдно носить усы.
- (100) Мы честь имеем. А вы?
- (101) Я – филолог, но посчитала бы лучше.
- (102) День, когда земля остановилась.
[рядом изображение Лукашенко как ребенка]

Иронический стиль многих слоганов состоит в том, что буквальное значение высказывания не соответствует действительности – такая явная, преднамеренная контрфактивность как бы имитирует аффективное состояние субъекта и обычно вызывает комический эффект, ср.:

³⁶ <https://www.facebook.com/watch/?v=223948668993602> [доступ: 10 X 2020].

- (103) Возьми меня, ОМОН!
- (104) Не бейте мужчин – я еще не замужем.
- (105) Гэта ўсё – фаташоп.
- (106) Всё так плохо, что вышли даже интроверты.
- (107) Переплавим резиновые дубинки на презервативы.

Иронический эффект возникает также в результате имитации другого дискурса или стиля. Например, во время белорусских протестов таким образом многократно эксплуатировалась стилистика любовного или семейного дискурса:

- (108) Саша, извини, но нам надо расстаться.
- (109) Саша, я не хочу уезжать. Давай ты.
- (110) Саша, уйди! Хочу родить спокойно.
- (111) Хотела сына Сашей назвать. Придется Светой.
- (112) У 80,1% белорусов пропало либидо. Хотим хотеть, но не хотим тебя, Саша.
- (113) Прости, Саша, у меня уже есть усатый диктатор.
[рядом с текстом – изображение кота]
- (114) Саша, дело не в тебе, а во мне.
- (115) Женюсь на протестующей!

Протестные слоганы, кроме того, содержат метафору. Например, требование, чтобы Лукашенко покинул занимаемый им пост, выражается в фигуративной форме:

- (116) Пора брить усы!
- (117) Уступи лыжню!
- (118) Включай уже лебединое озеро.
- (119) 25 лет одни усы. Хотим увидеть пятки.

4.4. Парасемия

С парасемией, которая является разновидностью языковой симуляции, мы имеем дело в тех случаях, когда речевой субъект преднамеренно употребляет некоторый знак в расчете на то, что он одновременно будет интерпретироваться в одном и в другом значении. Этот принцип, как известно, лежит в основе каламбура. Из богатого материала мы выбрали несколько слоганов этого типа:

- (120) Пора сажать лук.
[второе значение: сажать Лукашенко в тюрьму]

- (121) Мы не носки, чтобы нас вязали.
[глагол *вязать* в прямом и производном значении ‘арестовать, заключить под стражу’]
- (122) Кон Чен Ый
[надпись над портретом Лукашенко, напоминая о руководителе КНДР]
- (123) Марк Шагал, и ты шагай.
[*шагал* как существительное и как глагол]
- (124) 3%. Даже у пива больше.
[3% как число набранных на выборах голосов и как показатель крепости пива]
- (125) С Днищем!
[обыгрывается двусмысленность: *днище* в смысле ‘дно как полная деградация человека’ и в смысле ‘день рождения’; плакат фигурировал во время манифестации в день рождения Лукашенко 30 августа]
- (126) Стрелять в белорусов может только купидон!
[глагол *стрелять* как ‘производить выстрелы’ и как ‘пускать стрелы’]

4.5. Графические операции

Производимый плакатными лозунгами эффект опирается также на различные операции с графическими знаками – использование прописных и заглавных букв, зачеркивание слов и их частей, использование цифровых знаков как букв, интеракции между текстом и графическим изображением и др., например:

- (127) ЦИрк, заберите вашего артиста!
[игра слов: *Цирк* и *ЦИК*, т.е. Центральная избирательная комиссия]
- (128) Лука, ты 3%аябаў!
[обыгрывается сходство цифры «3» и буквы «З»]
- (129) Дед тронулся, господа присяжные 3%аседатели.
- (130) Смотрел БТ? Переключи за собой.
[слоган на фоне изображения унитаза]
- (131) Любовь. Свобода. Лукашенко.
- (132) У ~~войны~~ Конституции не женское лицо³⁷.
- (133) С глаз долой, из ~~сердца~~ страны вон!

Слоган

- (134) Саня, уходи!

³⁷ В июне 2020 года Лукашенко заявил, что белорусская конституция «написана не под женщину».

внешне кажется достаточно обычным, однако здесь мы имеем дело с особым, «белорусским палиндромом»: дело в том, что это выражение читается также справа налево, а именно – как *и до х** нас*³⁸.

Рис. 21. Таблица Сивцева

Рис. 22. 666. Уходи!
[последняя цифра перечеркнута;
«66» означает возраст Лукашенко]

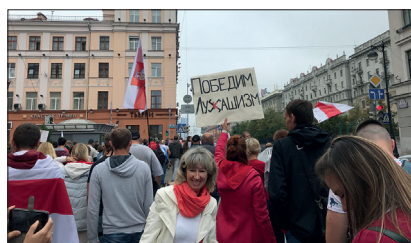

Рис. 23. Победим лукашизм [буква «к» на фоне свастики]

Особенно креативным представляется первый из приведенных выше слоганов: девушка держит плакат, который по своей графической форме напоминает таблицу Сивцева – стандартный набор букв для определения остроты зрения человека. Буквы, однако, расположены в таком порядке, что за ними угадывается аббревиатура со значением:

(135) Саша, пошел на х**, пожалуйста.

4.6. Неологизмы

О некоторых неологизмах (а также окказионализмах), например, #батяка, #матька, речь была уже раньше. В этом разделе мы приведем неологизмы, образованные от фамилии президента Лукашенко. Все эти единицы

³⁸ Подобный пример встречается и в российском протестном дискурсе. На сайте <https://humor.rin.ru/cgi-bin/show.pl?razdel=0&anekdot=80674> [доступ: 10 X 2020] можно прочитать: «Палиндром *А роза упала на лапу Азора* знают все, а *Оголи жопу пожилого* – только в Пенсионном фонде».

отмечены в интернете, хотя следует указать, что не все из них фигурируют в плакатных текстах 2020 года:

- (136) лукашисты, лукашизм, лукомол, лукашоид, лукафил, лукабот, луканефть, лукагаз, лукаденьги, луканомика, лукадиктатура, лукахоз [по аналогии с психоз], лукажопя, лукабрел, лукадуб, лукаблядь, лукафарс, лукапонос, лукамаразм, лукавонь, лукавошь, лукачванство, лукаболтовня, лукавранье, лукадебил, лукапаранойя, лукаговно, Лупублика Лукастан, Лукашеску, лукалогия

Среди других новообразований можно отметить:

- (137) Переменск!
 [контаминация: *Перемен* + *Менск*, т.е. историческое название Минска]
 (138) #крымнаш #беларусьнаша
 (139) белорусские киберпартизаны

4.7. Неопределеннозначность, нонсенс

Карнавальная сублимация (см. раздел 2) находит свое, пожалуй, наиболее радикальное проявление в плакатных слоганах неопределенного, энигматического, а также парадоксального (автофальсифицирующего) характера. Такие выражения трудно интерпретировать с точки зрения семантической функции – скорее всего, они возникают как экспрессивные симптомы с целью дать/получить «удовольствие от текста».

- (140) Саша, пошел на х**, пожалуйста. Жыве Беларусь.
 (141) Уйди на пенсию, закрой гештальт.
 (142) Спишь?
 (143) Я знаю, что вы сделали этим летом.
 (144) Озаряю любовью.
 (145) Матка, яйки, сало, млеко? Флаги? Ленты?

4.8. Стихотворная форма

Протестующие используют также элементы художественной речи – рифму и ритмизацию. Отчасти этому служат цитируемые тексты – фрагменты из песен или стихотворений, однако представлены и примеры собственного творчества:

- (146) Резиновые пули,
слезоточивый газ –
подарок президента
для рабочих масс.
- (147) Саша, ты не наша.
- (148) Ты не понял –
ты уволен.
- (149) Не надо ни подарков, ни цветов, ни внимания,
а только чтобы ты сказал «До свидания!».
- (150) Пока в стране живут «терпилы»,
у власти будут «твари» и «дебилы»!
- (151) Саша, Sorry,
ты не наша Love Story.
- (152) Твой хозяин – народ,
а вовсе не наоборот.
- (153) Мы не крепостные.
За произвол ответят
фашистские псы цепные.
- (154) Путин, убери ложку,
от белорусской картошки.
- (155) Шурик, с тобой мы не в центре Европы,
а в самой темной точке ж...
- (156) Плакат – не автомат.
- (157) 25 лет – ума нет.

4.9. Нетипичные носители

А. В. Скиперских (2014b, 109) обращает внимание на то, что городское пространство во время протестных действий практически без ограничений используется как материал для нанесения текста. Нетипичный способ воплощения (т.е. канализация) текста обычно способствует его фасцинирующему воздействию на адресата, хотя это не всегда соответствует намерению

Рис. 24-26. Способы воплощения протестных текстов с использованием городского пространства

субъекта, в частности, в ситуации, когда он ограничен в выборе материала. Для размещения слоганов протестующие используют не только картон, утилизируя тем самым упаковочные коробки, но и другие материалы: одежду, части своего тела, тротуары, проезжую часть улиц и дорог, балконы, стены зданий, заборы, дорожные знаки, доски объявлений и т.д.

Используется также своего рода ассимиляция плакатных текстов и городского окружения. Во время одного из протестов люди на фоне психиатрической больницы демонстрировали плакат:

(158) Саша, мы тебя ждем.

5. Заключение

В статье были рассмотрены языковые способы и приемы создания фасцинирующего эффекта как характерное свойство протестных дискурсов (шествий, митингов, флеш-мобов, перформансов, постов в социальных сетях и др.), которые имели место после фальсификации президентских выборов в Белоруссии летом 2020 года. Протестный дискурс понимается в соответствии с современной критической лингвистикой и функциональной прагматикой и описывается с учетом ряда параметров (действие, участники, инструменты и материалы, время, место и др.). Особенность белорусских протестных дискурсов связана с политической историей страны, ее гео-политическим положением, традицией протестных действий, а прежде всего – с их карнавальным характером. В статье были представлены наиболее характерные свойства карнавализации публичных выступлений белорусов, а их языковой составляющей был посвящен третий раздел, в котором были описаны формы языковой креативности: неологизмы, модификации и реинтерпретации прецедентных текстов, графические операции, симуляция, ирония, косвенные речевые акты и др. Несмотря на большой объем статьи, проведенные наблюдения имеют прелиминарный характер, а с учетом значительного масштаба явления, ставшего предметом прагматического и лингвистического анализа, представляется необходимым продолжение исследований в более широком формате.

Библиография

- Архипова, А./Сомин, А./ШЕВЕЛЕВА, А. (2014), «Шершавым языком плаката»: оппозиционный дискурс на протестных акциях. В: Архипова, А./Алексеевский, М. (ред.) «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России 2011-2012 годов. Тарту, 125-149.
- Архипова, А./АЛЕКСЕЕВСКИЙ, М. (ред.) (2014), «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России 2011-2012 годов. Тарту.

- БАРТ, Р. (1989), Избранные работы. Семиотика, поэтика. Москва.
- БАХТИН, М. М. (1990), Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва.
- БОРОДУЛИНА, А. С. (2019), Экстрактивизм и сопротивление. В: Сибирские исторические исследования. 31, 80-185.
- БУШЕВ, А. Б. (2015), Протестный дискурс: оптика исследования. В: Вопросы теории и практики журналистики. 4 (2), 170-182.
- ВАНЬКЕ, А./КУЛАЕВ, М. (2015), Рабочие в российском новостном телевизионном дискурсе: контекст политических протестов. В: Культура политики. 5 (10), 11-23.
- ГОРНОСТАЕВА, А. А. (2018), Иронические метафоры в политическом дискурсе. В: Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 22 (1), 108-125.
- ЕВГЕНЬЕВА, А. П. (ред.) (1984), Словарь русского языка. Т. 3. Москва.
- ЖАБОТИНСКАЯ, С. А. (2015), Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан – Анти-майдан: словарь-тезаурус лексических инноваций. Интернет-издание: http://uaclip.at.ua/zhabotinskaja-jazyk_kak_oruzhie.pdf.
- КОЛЕСНИКОВ, А. (2020), Почему для понимания протестов в Беларуси нужно читать работы Бахтина о Средних веках? В: <https://meduza.io/feature/2020/09/19/pochemu-dlya-ponimaniya-protestov-v-belarusi-nuzhno-chitat-raboty-bahtina-o-srednih-vekah>.
- КОСТЕРИНА, И. В. (2009), Маскулинности скинхедов: экстремизм, мода, протест и гражданское участие. В: Пушкарева, Н. Л. (ред.), Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. Москва, 185-208.
- ЛАСТОВКИНА, Д. А. (2015), Современные формы протеста: к постановке вопроса. В: Вопросы территориального развития. 6 (26), 1-11.
- ЛЕОНТЬЕВА, Т. В./ЩЕТИНИНА, А. В. (2017), Человек и власть: конфликт в зеркале языка. В: Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 3, 173-181.
- МОКИЕНКО, В. М. (1996), Депатетизация ленинизмов в современном тексте. В: Norman V. et al. (red.), *Funkcjonowanie języka w różnych warunkach socjokulturowych i tekstowych*. Siedlce, 89-103.
- МЯЧКОЎСКАЯ, Н. Б. (2012), Беларускае мовазнаўства – значна шырэйшае за беларусістыку, і заўтра поле яго дзейнасці пашырыцца яшчэ больш. В: <http://mab.org.by/materyjaly/intervju/nina-miackouskaja-bielaruskaje-movaznaustva-znacna-syrejsaje-za-bielarusistyku-i> [доступ: 20 XII 2013].
- НОРМАН, Б. Ю. (2006), Игра на гранях языка. Москва.
- ПЕТРУШИНА, А. В. (2012), Дискурс политического протеста в сообщениях новостных интернет-сайтов. В: Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 1 (1), 61-70.
- ПИЛЬГУН, М. А. (2018), Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте: протестные коммуникации & большие данные. В: Вопросы психолингвистики. 2, 99-117.
- ПОНОМАРЕВ, Н. А. (2018), Протестный дискурс подготовительного этапа митингов 26 марта 2017 года. В: Информационные войны. 1 (45), 16-20.
- ПОТЕХИНА, Е. А. (2006), Языковые реформы в Украине и Беларуси: два сценария национального возрождения. В: *Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe. Język, literatura, kultura*. 91-92.
- ПРОБЛЕМЫ (2018), Проблемы государственного управления. Ежемесячный обзор зарубежной литературы. 2018, февраль. В: Журнал правовых исследований. 1, 154-169.
- РУДЕНКИН, Д. В. (2019), Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 г. В: Социодинамика. 2, 23-33.

- РОМАНОВ, П. В./ЯРСКАЯ-СМИРНОВА, Е. Р. (2016), Мир профессий как поле антропологических исследований. В: Комарова, Г. А. (ред.), Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. Москва, 209-223.
- СКИПЕРСКИХ, А. В. (2016), Бунт как преодоление тесноты: размышления о некоторых особенностях русской культуры. В: Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 3 (35), 226-236.
- СКИПЕРСКИХ, А. В. (2014a), Материальная культура как объект протестного письма: политический контекст. В: Świat Idei i Polityki. 13, 193-207.
- СКИПЕРСКИХ, А. В. (2014b), Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России. В: Политическая лингвистика. 1, 108-113.
- СКИПЕРСКИХ, А. В. (2018a), Провинция как пространство безвластия (наброски русской культуры). В: Дискурс-Пи. 3-4 (32-33), 124-134.
- СКИПЕРСКИХ, А. В. (2016), «В тесноте, да не в обиде»: дискурс тесноты и протестные практики (зарисовки русской культуры). В: Дискурс-Пи. 2 (23), 18-27.
- СКИПЕРСКИХ, А. В. (2018b), Российская провинция: практики преодоления дефицита власти. В: Środkowoeuropejskie Studia Polityczne. 4, 135-153.
- ТУРОВЕЦ, М. (2015), Война против протеста: «военные» аргументы в деполитизации протестного движения. В: Костюшев, В. В. (ред.), Власть и общество в условиях межгосударственных конфликтов. Санкт-Петербург, 11-25.
- ТЫНЯНОВ, Ю. Н. (2004), Проблема стихотворного языка. Москва.
- УСМАНОВА, А. (2006), Белорусский détournement, или Искусство обходного маневра как политика. В: Топос. 2 (13), 91-127.
- УХВАНОВА-ШМЫГОВА, И. Ф. (2014), Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса. Минск.
- УХВАНОВА-ШМЫГОВА, И. Ф./САВИЧ, Е. В./ЕФИМОВА, Н. В. (2009), Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика. Минск.
- ЧЕРНЯВСКАЯ, Ю. (2010), Модель этоса современного белоруса: опыт культурологического исследования в интернете. В: Przegląd Wschodnioeuropejski. 1, 313-329.
- ЩЕПАНСКАЯ, Т. Б. (2003), Антропология профессий. В: Журнал социологии и социальной антропологии. VI (1), 139-161.
- ЯКОВЛЕВ, М. (2013), «Майдан» и «антимайдан» в социальных сетях: характеристики интерпретационных рамок. В: Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2, 74-83.
- ALMOG, S./BARZILAI, G. (2014), Social Protest and the Absence of Legalistic Discourse: In the Quest for New Language of Dissent. In: International Journal of the Semiotics of Law. 27, 735-756.
- ANTIĆ, R. (2019), The Grammar of Protest Publics in Skopje, Macedonia, May 2015. In: Belyaeva, N. et al. (eds.), Protest Publics, Societies and Political Orders in Transition. Cham, 67-82.
- GRABIAS, S. (2004), Język w zachowaniach społecznych. Lublin.
- HILL, M. L. G. (2018), The Language of Protest. Acts of Performance, Identity, and Legitimacy. Cham.
- HUTCHBY, I/WOOFFITT, R. (2001), Conversation Analysis. Principles, Practices and Applications. Cambridge.
- HYMES, D. (2003), Models of the Interpretation Language and Social Life. In: Bratt Paulston, C./Tucker, G. R. (eds.), Sociolinguistics. The Essential Readings. Oxford, 31-47.
- JALBERT, K./WILLOW, A./CASAGRANDE, D. et al. (eds.) (2017), ExtrACTION: Impacts, Engagements, and Alternative Futures. New York.
- JOHNSTON, H. (2010), Cultural Analysis of Political Protest. In: Leicht, K. T./Jenkins, J. C. (eds.), Handbook of Politics: State and Society in Global Perspective. New York etc., 327-346.

- JORDAN, J./GILBERT, N. (1999), Think Local, Act Global: Discourses of Environment and Local Protest. In: Fairweather, B./ Elworthy, S./Stroh, M. et al. (eds.), *Environmental Futures*. London, 39-53.
- KLIUCHNIKOVA, P. (2013), The Language of Protest, Belonging and Exclusion: Russian Anti-Election Campaigns in Europe (2011-2012). In: *Ідеологія і політика*. 2 (4), 38-59.
- VAN LEEUWEN, T./WODAK, R. (1999), Legitimizing Immigration Control: A Discourse-Historical Analysis. In: *Discourse Studies*. 1 (1), 83-119.
- LEONE, M. (2016), Protest in Berlin. A Semiotic Reading. In: *Kodikas/Code. An International Journal of Semiotics*. 39 (1-2), 120-132.
- LESZCZAK, O. (2015), Дискурс как функционально-прагматический вариант лингвосомиотического опыта. In: Kiklewicz, A./Uchwanowa-Szmygowa, I. (red.), *Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne*. Olsztyn, 57-66.
- MCLUHAN, M. (2001), *Wybór tekstów*. Poznań.
- MELINA, L. R./SCHRAM, S. F. (2015), Being the change: protest as performative discourse in the Occupy Portland encampment. In: Johnson, M./Suliman, S. (eds.), *Protest: Analysing Current Trends*. London, 200-217.
- MURPHY, V./NEU, J. (1996), My grade's too low: The speech act set of complaining. W: Gass, S. M./ Neu, J. (eds.), *Speech acts across cultures: Challenges to communication in a second language*. Berlin, 191-216.
- OUKHVANOVA-SHMYGOVA, I. F. (2015), Discourse as a macro sign: The causal genetic perspective of discourse linguistics. In: Kiklewicz, A./Uchwanowa-Szmygowa, I. (red.), *Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne*. Olsztyn, 43-56.
- OUKHVANOVA-SHMYGOVA, I. F./YELSUKOVA, L. (2020), Integrative methodological platform to reconstruct macrounits of discourse in functioning: Belarusian case study. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. XI/2 [в печати].
- OYEDEMI, T. D. (2020), Cite as Protest as Communication for Development and Social Change. In: Servaes, J. (ed.), *Handbook of Communication for Development and Social Change*. 615-632.
- RUTKOWSKI, M./SKOWRONEK, K. (2020), *Onomastyczna analiza dyskursu*. Kraków.
- ULLRICH, P./DAPHI, P./BAUMGARTEN, B. (2014), Protest and Culture: Concepts and Approaches in Social Movement Research. An Introduction. In: Baumgarten, B./Daphi, P./Ullrich, P. (eds.), *Conceptualizing Culture in Social Movement Research*. Basingstoke, 1-20.
- VÁLKOVÁ, S. (2013), Speech act or speech act sets: apologies and compliments. W: *Linguistica Pragensia*. 23/2, 44-56.

